

знаки близости летописца к митрополиту. Между прочим, в 1274 г. во Владимире митрополит Кирилл созвал церковный собор, на котором обсуждались различные недостатки тогдашней церковной жизни. Результатом этого собора явилось „Правило Кирилла, митрополита русского“, дошедшее до нас, очевидно, лишь частично. Во вступлении к „Правилу“ дана известная картина положения Руси: „Не расея ли ны бог по лицу вся земля? — говорит Кирилл, — не взяти ли быша гради наши? не падоша ли сильнии наши князи остриемь меча?¹ не поведени ли быша в плен чада наша? не запустеша ли святыя божия церкви? не томими ли есмы на всяк день от безбожных и нечистых поган? Си вся бывають нам, зане не храним правил святых наших и преподобных отець“.²

Кирилл явился к Александру не один. Недовольных церковною политикою Даниила было, очевидно, немало. Естественно, что многие из них спаслись от угрозы унии, переехав на северо-восток Руси под покровительство своего сильного земляка Кирилла. Среди этих переехавших к Кириллу представителей духовенства были, очевидно, и люди книжные.³ Знаменательно, что с середины 50-х годов XIII в. официальное галицкое летописание явно хиреет.⁴

Вне всякого сомнения, Кирилл имел отношение к составлению жизнеописания Александра. Он мог быть и автором, но вернее всего он заказал житие кому-нибудь из проживавших на севере галицких книжников. Во всяком случае в Псковско-Печерской редакции жития Александра, одной из самых важных для определения первоначального его вида, прямо говорится: „се же бысть проповедано всем от Кюрила митрополита святителя и от иконома его Савастияна“.⁵

Тем самым объясняются многие особенности жития Александра Невского. Житие несет в себе западно-русскую, галицкую литературную традицию, так как из Галича был его автор. Оно близко по форме к жизнеописанию Даниила, так как именно это жизнеописание было ближе всего знакомо самому Кириллу, когда-то вложившему свой труд в его составление. Оно пользуется, как своим литературным образцом, компилятивным хронографом типа Еллинского летописца, так как именно на этом образце воспитывались литературные вкусы его автора. Оно носит по преимуществу светский характер, так как следовало светским образцам. Оно написано не очевидцем подвигов Александра, так как автор его приехал на северо-восток после 1250 г. В нем многое написано со слов самого Александра, — и это понятно, так как сам митрополит Кирилл и его двор были близки к Александру. Автор его радуется тому, что Александр ответил папе решительным отказом, — и это также понятно, так как именно согласие на унию с папой Даниила вынудило автора покинуть Даниила и остаться у Александра. Вот почему и враги Александра — шведы — называются в житии не по национальному, а по вероисповедному признаку „римлянами“. В своем ответе римскому папе Александр пользуется советом своих „мудрецов“,⁶ т. е. несомненно тех же вновь переехавших

¹ Ср. в Ипатьев, лет. под 1217 г.: „Острый мечю, борзый коню“.

² Русск. Истор. Библ., т. VI, 1880, стр. 83.

³ Переезд этот совершался не только в 50-х годах XIII в., но и значительно позднее. Так, под 1274 г. в Симеоновской летописи записано, что Серапион (знаменитый Серапион Владимирский) был поставлен епископом „Ростову, Владимиру и Новгороду“.

⁴ Л. В. Черепнин считает, что упадок галицкого летописания начинается с 56—57 гг. — Исторические записки, № 12, 1941, стр. 232 и сл.

⁵ Н. Сербрянский, ук. соч., Тексты, стр. 120.

⁶ Книжники и писатели постоянно называются в хронографе „мудрыми“, „премудрыми“ и т. д. — см. Малау (в издании В. М. Истрина): кн. I, стр. 6, 8 (трижды), 14, 17, 18 (дважды); кн. II, стр. 465, 467, 469, 471, 473 (четырежды), 474, 476 (дважды),